

М.А. АСТВАЦАТУРОВА
И.Д. ИБРАГИМОВ

ЖЕЛАЕМЫЕ ВЕКТОРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО РАВНОВЕСНОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Аннотация. Статья посвящена типологическому моделированию гражданского активизма как одного из важнейших институтов демократии. Гражданский активизм рассматривается в соотнесении с преобразованиями политических систем и политических режимов в пространстве современной реальной geopolитики. В рамках политического анализа выделяются свойства, по которым возможно моделирование гражданского активизма, и определяется его оптимальная и перспективная функционально-равновесная модель. В качестве типологических свойств этой модели гражданского активизма выделяются: интегративное сознание на основе социального сплочения; органическая солидарность как коллективная потребность, зрелая политическая культура и склонность к групповому лоббизму.

Идеино-программную базу функционально-равновесной модели гражданского активизма составляют принципы делиберативной демократии — рациональный, аргументированный выбор на почве публичной политики и публичного диалога «всех со всеми». Рациональный выбор в политике и geopolитике рассматривается авторами не только как оправданный, но и как необходимый для выхода из цейтнотов современности.

Ключевые слова: реальная geopolитика, гражданский активизм, политический вектор гражданской самоорганизации, модели гражданского активизма, делиберативная демократия, народная дипломатия.

DESIRED VECTORS OF A FUNCTIONALLY BALANCED MODEL OF CIVIC ACTIVISM IN THE CONDITIONS OF MODERN REAL GEOPOLITICS

Abstract. The article is devoted to the typological modeling of civic activism as one of the most important institutions of democracy. Civic activism is considered in relation to

---

АСТВАЦАТУРОВА Майя Артшесовна — доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических исследований Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск

ИБРАГИМОВ Ибрагим Джавиарович — кандидат педагогических наук, доцент, директор Института переведоведения, русистики и многоязычия; заведующий кафедрой восточных языков и культур Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск

the transformations of political systems and political regimes in the space of modern real geopolitics. Within the framework of political analysis, the properties by which modeling of civic activism is possible are identified, and its optimal and promising functional equilibrium model is determined. The typological properties of this model of civic activism are: integrative consciousness based on social cohesion; organic solidarity as a collective need, mature political culture and a tendency to group lobbying.

The ideological and programmatic basis of the functional-equilibrium model of civic activism consists of the principles of deliberative democracy – rational, reasoned choice on the basis of public policy and public dialogue «all with all». Rational choice in politics and geopolitics is considered by the authors not only as justified, but also as necessary to get out of the time constraints of modernity.

Keywords: *real geopolitics, civic activism, political vector of civic self-organization, models of civic activism, deliberative democracy, people's diplomacy.*

Общие поисково-парадигмальные позиции моделирования гражданского активизма

Постановка проблемы моделей гражданского активизма закономерна в пределах политического знания. Аналитические возможности современной политологии в ее геополитическом наполнении позволяют установить общие и частные свойства гражданско-инициативного самоуправления, гражданско-общественной самоорганизации в применении к политическому и геополитическому пространству. При этом, как подчеркивает С.М. Маркедонов, свою ценность сохраняют экспертный диалог, открытость к дифференцированным мнениям и внепартийная нейтральность научного поиска [8, с. 7–8].

Исследовательская парадигма в отношении гражданского активизма целесообразна при оформлении новых политических и геополитических условий и отношений, а также и новых групп активизма. Эти группы, как отмечал Г.-У. Веллер, во все периоды осуществляли новые формы и методы самоорганизации и стремились к новым путям политического влияния [2, с. 330–331]. Дж.Л. Коэн и Э. Арато усматривали продуктивность гражданского активизма в ресурсе мотивации, который обращен к каждому гражданину [6]. При этом привлекательность мотивов гражданской активности, как подчеркивал Д. Грин, концентрируется в самоорганизации групп населения для решения насущных проблем при привлечении ресурсов власти и политической элиты [3]. Существенным функционально-ценным свойством западной модели гражданского активизма являются публичная политика, публичная коммуникация и публичность вообще (нем. – *die Öffentlichkeit*), которые, по мнению Ю. Хабермаса, стали неизменными катализаторами гражданского общества [15, с. 112–137].

В осмыслении желаемых векторов моделей гражданского активизма мы оттолкнемся от идеи Д. Норта о прямой причинно-следственной связи преобразования экономики с гражданской и политической активностью [9].

Любая конкретная модель гражданского активизма в значительной степени зависит от традиции применения власти и управления, от сущности политической системы и режима, от политической культуры граждан. Национальная и локальная модели гражданского активизма рельефно иллюстрируют содержание общественного договора между государством и гражданами, который имеет выраженное политическое значение.

При сохранении таких общих магистральных направлений гражданских инициатив, как достижение социальной справедливости и социального порядка общественной стабильности, современная социальная и политическая реальность демонстрирует большое сущностно-процессное, функционально-ценностное разнообразие гражданской самоорганизации. Понимание этого разнообразия предполагает уход от методологии универсального европоцентризма, которая существенно ограничивает исследовательские возможности. Научно-поисковый вопрос, поставленный А.В. Тиховодовой, «является ли модель гражданского общества, сложившаяся в развитых странах западного мира, и теоретические представления о ней универсальными, абсолютными, инвариантными», несомненно, имеет риторический смысл [10, с. 61–62].

Практика показывает, что в современных условиях европейская матрица гражданского активизма не может быть механически применена к ходу гражданского структурирования разных наций, обществ и сообществ, тем более в связи с дефицитами самоорганизации европейских сообществ, которые нарастают [13, с. 120–139].

На наш взгляд, теоретические трактовки гражданского активизма остаются увязанными с политическими традициями и реалиями отдельной страны в конкретной политической хронологии. Также чрезвычайно важно увязывать реальные и желаемые векторы моделей гражданского активизма с множеством неполитических факторов: культурных, ментальных, экзистенциальных. Закономерно, что гражданское самоопределение дифференцировано в зависимости от многих обстоятельств общественно-политической и политико-управленческой природы. Также гражданское структурирование зависит от таких факторов, как национальная традиция, этнический характер, ментальная симптоматика как государства, так и общества. Поэтому закономерно приращение концептуальных определений моделей гражданского активизма, присущих отдельным странам, обладающим собственными политическими хронологией и пространством.

Но в то же время источником разнообразия желаемых векторов гражданского активизма мы считаем, прежде всего, нарастающую мультиплексивность политических институтов, усиливающуюся дисперзацию политических интересов социальных групп и страт, а также и диссиацию политических систем и режимов.

Приоритеты функционально-равновесной модели гражданского активизма

Среди многих моделей гражданского активизма целесообразной нам представляется *равновесная или функционально-равновесная модель гражданского активизма*. Она разработана Э. Дюркгеймом в пределах функционализма как одного из самых убедительных методологических подходов в общем банке политической социологии [4]. Важнейшие реальные свойства данной модели гражданского активизма имеют явные пролонгации в политику. Среди них мотивация политического действия, публичные монстрации, групповой лоббизм, политическое рекламирование, политическая идентификация и другие.

Желаемым типологическим свойством функционально-равновесной модели гражданского общества, которое также явно политизировано, является идеино-программная устойчивость на основе интегративных ценностей. Эти ценности имеют высокую степень транспарентности за счет их традиционно принимаемой и традиционно понятной большинству населения детерминации. Это, например, патриотизм, ненависть к врагу, верность своему классу или своему этническому сообществу, преданность вождю или партии, а также идее. Весьма примечательно стремление правящих элит закрепить интегративные государственно-гражданские ценности в правовых и политических документах, тем самым придав им обязательный характер¹.

Ощутимым, частично реальным, а частично желаемым политическим вектором данной модели гражданского активизма является отождествление (если не совпадение) общегражданских ценностей с государственными ценностями, ценностями правящей элиты, главы государства, национального лидера. Такое отождествление обеспечивает устойчивость политической системы, политического режима, политического управления даже в условиях значительных экономических, социальных рисков, а также геополитических вызовов. В этой связи стоит акцентировать важность интегративных ценностей в обеспечении социальных действий, стабильности общественных настроений, профилактике социальных девиаций и социальных отклонений. Единство гражданского общества как общественно-инициативного института не менее важно, чем единство государства как политико-управленческого института, так как их конвергенция обеспечивает прочный суверенитет государства.

Считаем продуктивным прямое соотнесение функционально-равновесной модели гражданского активизма с общим трендом развития демократии, так как гражданский активизм приводит к демократии,

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 10.11.2022).

а демократия создает все новые условия для гражданского активизма. Здесь, вероятно, более всего эффективна делиберативная (совещательная) демократия, которая, по мнению Дж. Ролза, призвана конституировать «публичный разум», институты власти и стимулировать «гражданскую мобилизованность» [11].

Идея делиберативной демократии, как замечает А.В. Зайцев, в известном плане противостоит идеи общественного договора, хотя онтологически связана с ней [5, с. 148–158]. Однако в противовес гуманистическому и гуманитарному общественному договору она предусматривает создание условий для рационального, аргументированного (и расчетливого) выбора на почве публичной политики, публичного диалога «всех со всеми». Делиберативная демократия предполагает наличие в обществе групп, которые имеют авторитет и могут существенно влиять и на власть, и на принятие и воплощение властных и политических решений [16, с. 73–90].

Тем не менее, как показывает практика западноевропейской гражданской самоорганизации, сознательность, целесообразность, рациональность и аргументированность далеко не всегда являются массовыми свойствами гражданских коллективов, а также и современных элит.

Векторы гражданской самоорганизации в условиях реальной geopolитики

Современная реальная geopolитика достойна пристальной экспертизы и прогнозирования, которое существенно затруднено. Сегодня осуществляется наступление нового этапа, а, вероятно, и новой эпохи реалистичной системы межгосударственных отношений как отражающей конкретные интересы конкретных стран. На этом фоне, как полагает А.Е. Кутейников, повестка ООН претерпевает существенные изменения, притом далеко не всегда в позитивной коннотации [7, с. 24–47]. Поведение США, стран ЕС, БРИКС, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС свидетельствует о разнонаправленных, часто противоречивых тенденциях, детерминанты которых не всегда очевидны с точки зрения реально-рациональных стратегий и тактик. Государства стремятся:

- сохранить существующие политические (в том числе и персонифицированные) режимы и организовать выгодный безболезненный транзит власти;
- определить суверенную (экономическую, политическую, идейно-программную) позицию в новом формирующемся миропорядке;
- обрести новых эффективных союзников в рамках существующих и формирующихся международных конгломератов;
- осмыслить противоречивые и явно деструктивные международно-политические и дипломатические смысловые нагрузки диалогов стран, элит, государственных лидеров;

— использовать в давлении друг на друга крайне левые и крайне правые, а также открыто ксенофобно-националистические и фейково-дезинформационные программно-функциональные практики.

Государства закономерно стремятся к сбережению и наращению своего суверенитета (военно-политического, экономического, финансового, территориального, социокультурного) и к поиску эффективных управленческих технологий форматирования и дисциплинирования гражданских сообществ. Эти задачи в общем разрезе соответствуют смыслу реальной геополитики в ее классическом понимании и практическом воплощении [2].

Однако мы констатируем, что лидеры мировых держав все дальше уходят от политических и геополитических реалий, бесконечно повышая ставки в международной игре амбиций, отрываясь от насущных жизненно важных интересов населения своих стран. Субъекты современной реальной геополитики повсеместно маневрируют, демонстрируют двойные стандарты, тяготеют к камуфлированию своих истинных стратегических целей, меняют партнеров и пренебрегают партнерскими обязательствами, используют геополитические демарши и дезавуации, а также прямые взаимные недостоверные обвинения и бездоказательные третирования.

Весьма противоречивы как стандартные, так и нестандартные интерпретации современной ситуации, которые транслируются от первых лиц государств и наций в условиях сохранения террористических угроз, применений санкций, специальной военной операции России на Украине и другие. Гибридные войны, конфликты, военно-политическое устрашение и давление, санкции, которые применяются властными элитами, разрушают устоявшийся миропорядок. Они формируют не только новые центры силы, но и центры агрессии, терроризма, экстремизма, экспансий, информационных атак.

В первой четверти XXI века выяснилось, что демократические доктрины во многом неэффективны, а их субъекты задержались в категориях и реалиях XX века. Они часто бесполезны в противодействии националистическим, террористическим акторам и режимам, а также угрозам национальной безопасности [12, с. 5–18; 14, с. 19–28]. С одной стороны, современные держатели реальной геополитики транслируют программно-функциональное старение (в том числе, и физическое) и находятся во власти управленческого консерватизма. С другой стороны, лидеры стран и наций проявляют умозрительный внесистемный и внеинституциональный менеджеризм. При этом симптоматичным является частое нарушение этики политики, которую М. Вебер трактует как «этику убеждения и этику ответственности», как «рамки дозволенного», без которой вряд ли стоит рассчитывать на рациональность политических решений [1, с. 41–43].

В этой связи реальная геополитика все чаще дрейфует к «политике силы» и проявляется в военно-политическом противостоянии России

и США, России и стран НАТО, в котором присутствуют неприемлемые образы тактического ядерного оружия.

Осмысливая желаемые ресурсы гражданского активизма укажем, что:

- гражданские институты в толще дестабилизационных геополитических процессов оказались в большей части несостоительными в регулятивно-организационном и проектно-прогнозном выражении;
- институты гражданского общества в условиях политических рисков часто принимают сторону агрессивно-националистических элит, поддерживают агрессивные транснациональные корпорации;
- общественные организации под воздействием государственной пропаганды часто отказываются от защиты гражданских прав, и вместо объединения под общечеловеческими гуманистическими и гуманитарными титулами (антивоенными, антикоррупционными, антифашистскими, антиэкстремистскими) поддерживают антагонистические позиции элит.

Суммирующие соображения

Нарастающие угрозы и риски реальной геополитики с начала нового тысячелетия (экономический и финансовый кризис, падение уровня жизни, разбалансирование социальных структур, политические кризисы, конфликты, гибридные войны, горячие ситуации «новой холодной войны», пандемия) составили существенный урон гражданскому обществу в его геополитическом выражении. Эти же процессы ставят под сомнение разумность, логичность и стабильность геополитического процесса как общепланетарного.

Вновь подчеркнем значимость структурирования гражданской активности в пределах функционально-равновесной модели, которая предоставляет возможность участия и влияния гражданских институтов на внутри- и внешнеполитические решения. Данная модель предполагает рационализм в социальном, политическом и мировоззренческом выборе, который, как нам кажется, во многом утрачен и политическими элитами, и общественными активистами. Тем не менее, именно многовекторная устойчивость общества может проецироваться в рационально-политический вектор моделирования гражданского активизма и групп активности, которые могут существенно влиять на власть, на принятие и воплощение властных и политических решений.

Именно концепт разумной совещательности, рациональной согласованности, межстратовой конвенциональности, делиберативности лежит в основе желаемых векторов моделирования гражданского активизма. Данная модель труднодостижима, однако привлекательна в силу большого ресурса стабилизации общественно-политических отношений и политических систем в целом.

Гражданин. Выборы. Власть. № 4(26)/2022

Развивая этот тезис, выделим желаемые векторы справедливо-равновесной модели гражданского активизма:

- равноправие акторов общественного активизма и их равное участие в оптимизации политических противоречий и преодолении политических дисфункций;
- включение общественных организаций в дискурс политического курса и политической элиты для акцентирования социальных интересов населения;
- расширение общественного контроля над властными институтами и ротацией элит на базе рационального политического электорального выбора;
- предоставление платформ гражданского общества для апробирования и обсуждения политических преобразований, pilotных политико-ориентированных решений и проектов;
- использование членства в общественных организациях, объединениях и движениях как приобщение к политико-ориентированной практике, практике целевых политических действий;
- усиление компенсаторного вклада общественных активистов в необходимые сегодня гуманизацию и гуманитаризацию реальной geopolитики, в практическое миротворчество и миростроительство.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Перевод с немецкого и вступительная статья А.Ф. Филиппова; редактор А.А. Рындин. М.: Рипол-классик, 2018.
2. Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1. München, 1987.
3. Грин Д. Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2009. 220 с.
4. Дюркгейм Э. Правила социологического метода. М.: Изд-во «АСТ», 2021. 238 с.
5. Зайцев А.В. Делиберативная демократия, диалог и их место в конstellации дискурса публичной политики // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. Т. 27. № 15(158).
6. Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / Пер. с англ. Общ. ред. И.И. Мюрберг. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
7. Кутейников А.Е. ООН через 30 лет после холодной войны: теоретический анализ изменений международной организации // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 1.
8. Маркедонов С.М. Международная аналитика: профессионализм без принципов партийности // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 1.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
10. Тиховодова А.В. Модели гражданского общества // Вестник ВГАВТ. 2014. Выпуск 39. Раздел II. Философия. Общество. Культтура.

11. Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. с анг. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 531 с.
12. Степанова Е. Мирный процесс: к содержательному определению // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 9.
13. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. XI / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М. Изд-во «Весь мир», 2012.
14. Холопов А. Глобальные дисбалансы: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 9.
15. Хабермас Ю. Политические функции публичной сферы // Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М., 2016.
16. Яжборовская И.С. Делиберативная демократия. Делиберативная политика // Согласие в обществе как условие развития России. Вып. 3. Политическое согласие: Стратегии и реальность / Отв. ред. О.М. Михайленок. М.: ИС РАН, 2013.